

СЕСТРА

АЛЕКСЕЙ ТИХОНЬКИХ

18+

Алексей Тихоньких

Сестра

<https://litres.ru/74537348>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сестра» — это роман о памяти, боли и исцелении.

История Ирины, женщины, потерявшей сестру и себя, и Александра, человека, хранящего её голос в себе сквозь годы и континенты.

Москва, Торонто, Париж — города, в которых любовь ищет своё продолжение. Это книга о том, как один голос может вернуть к жизни, если ты готов слушать.

Интимный, пронзительный и светлый роман, в котором каждое слово дышит правдой.

Алексей Тихоньких

Сестра

Алексей Тихоньких
Сестра

Часть 1

Глава 1

Алина стояла напротив и с интересом его разглядывала. Вдруг она прервала молчание:

— Говорят, что все спортсмены — дураки! — сказала она и замолчала, ожидая его реакции.

— Мало ли что говорят. Говорят, например, что все женщины... — неожиданно для самого себя парировал Александр, но вдруг передумал продолжать.

— Ну? Все женщины — что? — спросила она, вопросительно уставившись на него.

Александру не хотелось ссориться с ней. Она производила на него особенное, непривычное впечатление. Она была по-своему красива, и в её красоте было что-то редкое, можно сказать, неуловимое. Её короткая стрижка, пронзительный взгляд, постоянно меняющийся ритм порывистых жестов —

всё это не вписывалось в привычное Александру восприятие женского образа. Когда она обращалась к нему, ему казалось, что разговаривает она не с ним, а с неким персонажем из выдуманной ею пьесы.

— Прекрасны и удивительны! — ответил он и шутливо сделал реверанс.

— Ладно, не злись. Ты, конечно, исключение. Мастер спорта международного класса по фехтованию Александр Алымов — звучит. Хотя... что это меняет? — она улыбнулась и потянулась за сигаретой. — Не обижайся, я шучу. Вы давно знакомы с моей сестрой?

Он ничего не ответил, щёлкнул зажигалкой, поднёс огонь к её сигарете, затем отошёл, сел на диван и посмотрел в окно. За окном начинало темнеть, и от этого московский двор показался ему театральной декорацией. Ирина должна была скоро вернуться. Она оставила их вдвоём с Алиной, потому что ей нужно было обязательно появиться на репетиции спектакля, в котором она отвечала за хореографию и музыкальное сопровождение.

Театральная актриса Алина, младшая сестра его новой подруги, сначала сварила ему кофе, потом вышла в коридор, кому-то позвонила и наконец вернулась в гостиную. Было видно, что она умела нравиться мужчинам. Вот и он, немного смущённый её присутствием, уже был готов простить ей

столичную бесцеремонность.

Она села в кресло напротив Александра:

— Александр, ты правда из Сибири? Это так интересно.

— Что тут интересного? — ответил он. — В слове «Сибирь» тебе сразу видятся дома, занесённые по крыши снегом, и медведи на улицах?

— Саша, можно я буду тебя так называть? Не злись на меня, пожалуйста. Сестра сказала, что ты пишешь стихи и песни. Я люблю стихи и немного играю на гитаре. Иногда мы поём с сестрой дуэтом. Вот только песни поём не свои. Можешь мне прочесть или спеть что-нибудь своё? — сказала она и погладила примостившуюся возле её ног одноглазую овчарку.

— Могу, — ответил он, закидывая ногу на ногу, и сразу начал декламировать:

В небе, ржавее жести,

Перст столба.

Встал на назначенном месте,

Как судьба.

— Без четверти. Исправен?

— Смерть не ждёт.

Преувеличенно низок

Шляпы взлёт.

Он взглянул на неё — она слушала и как-то странно смотрела мимо. Он продолжил:

В каждой реснице — вызов.

Рот сведен.

Преувеличенно низок

Был поклон.

— Без четверти. Точен?

Голос лгал.

Сердце упало: что с ним?

Мозг: сигнал!

Алина неожиданно выпрямилась в кресле. Александр остановился. Она посмотрела на него, раздумывая, и вдруг негромко продолжила стихотворение:

Небо дурных предвестий:

Ржавь и жесть.

Ждал на обычном месте.

Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:

Губ столбняк.

Так государыням руку,

Мёртвым — так...

Последнюю строчку она произнесла почти шёпотом и замолчала. Он смотрел на неё и ждал.

— Очень смешно. Цветаева — моя любимая поэтесса. Это «Поэма конца», написанная в 1924 году, — сказала она и, укоризненно глядя, добавила: — Зачем?

— Ну ладно, квиты, — примирительно улыбнулся Александр, снимая со стены гитару. — Просто мне показалось, что ты говоришь всё это так, чтобы посмеяться.

— Извини. Я исправлюсь, — вдруг засмеялась она, откинулась назад в кресле и добавила: — Только на этот раз своё,

пожалуйста.

— Хорошо, — сказал он, слегка подтянул вторую струну, дал короткий перебор и негромко запел:

Не вырвусь...

Я и не пытаюсь.

В горячем шёпоте ночей

Глаза, улыбку, губы — всё запоминаю,

И время тает с высотой свечей.

В луче прожектора — цветок и ты,

Вы вместе.

«История любви» не так длинна.

Застыли грусть и нежность в этой песне,

На кончиках твоих ресниц дрожит она.

Будь осторожна,

Не вспугни нечаянно

Мучительную прелесть тишины,

Печальное, глубокое молчание,

Порыв в тебе проснувшейся весны...

Когда он закончил, Алина встала и подошла к окну.

— Александр, откуда ты взялся? Можно я тебя потрогаю? Ты не мираж? — спросила она немного погодя, с напускной менторской улыбкой.

Он усмехнулся:

— Алина, тебе не кажется, что ты весь вечер манерничаешь со мной? Ты не на сцене. Может, хватит?

— Ладно, не обижайся. Если ты не против, я познакомлю тебя с моим мужем Андреем. Он художник, — сказала она и сделала жест, как будто сомневаясь в этом определении.

Она стояла у окна, смотрела в его зеркальную темноту и вдруг, не оборачиваясь, совершенно другим тоном заговорила:

— Ты знаешь, недавно в одном из журналов я наткнулась на стихи Игоря Стадоника: «Вновь накопилось тишины на слово...» Что-то в этих строчках меня зацепило. Я не знаю, как тебе это объяснить.

— Объясни, как можешь. Я понятливый, — усмехнулся Александр.

Она, не оборачиваясь, словно не услышав его, продолжала:

— Как может накопиться тишины? Откуда, действительно, берётся слово? Если слово и рождается, то скорее из молчания? Правильнее было бы сказать: *«Вновь накопилось молчания на слово...»*

Александру показалось, что в этот момент она начала читать монолог из какой-то пьесы. И он, словно напоминая о своём присутствии, спросил:

— Что же тогда, по-твоему, может родиться из тишины?

— Из тишины может родиться звук, и только потом уже слово, состоящее из одного или нескольких звуков. Кроме того, звуки формируют не только слова, но и музыку, — ответила она и нарисовала пальцем на стекле скрипичный ключ.

— По-твоему, молчание рождает слова, а тишина — звуки?

Алина повернулась, отошла от окна и снова села напротив него:

— Молчание — это состояние ожидания и не обязательно сопровождается тишиной. Молчание подразумевает возможность не молчать. Молчать — значит не говорить, не петь, не издавать звуков. Молчание — это выбор. Тишина — отсутствие звука. Тишина абсолютна. В ней нет ожидания, тишина торжественна и неподвижна. Из тишины — значит

из ниоткуда.

Он пожал плечами:

— Ты это серьёзно? Это уже не поэзия, а философия!

— Да, но ведь хорошая поэзия в какой-то степени философична?

Александр у стало весело, и он, улыбаясь, спросил:

— Может, нам тогда стоит перестать умничать, просто замолчать и подождать того момента, когда тишины накопится на звук, а молчания — на слово?

Алина засмеялась:

— В пятницу я буду петь и аккомпанировать себе на фортепиано на конкурсе актёрской песни имени Андрея Миронова. Придёшь? Вместе с Ириной, разумеется.

— Приду, — ответил он, оглядываясь на звук поворачиваемого ключа в замке.

Дверь открылась. Вошла Ирина, посмотрела сначала на сестру, потом на него:

— Ну что, познакомились? Вот и хорошо. Понял, какая зануда?!

Алина встрепенулась и с лукавой улыбкой заговорила:

— Да ты что! Мы с Сашей теперь друзья — водой не разольёшь! Он мне уже и стихи читал, и свою песню спел. Представляешь?!

Ирина улыбнулась и взглянула на Александра. Он встал с дивана, подошёл к ней, взял за руку и спросил:

— Ты не передумала?

— Нет. Только переоденусь.

— Поторопись, пожалуйста. Я заказал на восемь.

Через десять минут она вышла из спальни, он подал ей плащ и открыл входную дверь.

— Спокойной ночи, мадемуазель, — сказал он, пытаясь вложить иронию в эту прощальную фразу.

Ирина махнула сестре рукой, и они вышли из квартиры.

Глава 2

В ресторане, затерянном в лабиринте арбатских улочек, было уютно и пахло чем-то вкусным. Их проводили к столику, утопающему в окружающем его полумраке, и сопровождающая их девушка зажгла две свечи, спрятанные в невысоких гранёных стаканах.

— Ирина, что произошло с собакой? Почему у неё нет глаза? — спросил он вдруг.

— Эту собаку случайно нашли умирающей на улице. Она попала под машину. Алина отвезла её в больницу, ей сделали операцию, но глаз не удалось спасти.

Подошёл официант, молодой симпатичный парень, и по-

дал им картонные меню с таким видом, словно это были сторублёвые ассигнации.

За ним подошёл продавец цветов. Александр натянуто улыбнулся и подумал: «Если я куплю этот чёртов букет, буду казаться идиотом. А если не куплю — подумает, что мне жалко денег».

В этой ситуации было что-то неестественное и даже неприятное, словно его испытывали. Ирина опередила его и торопливо сказала продавцу:

— Извините, но я не люблю розы.

— Желаю вам прекрасного вечера, — сказал продавец и удалился.

Во время ужина Ирина рассказывала о постановке местного с канадскими танцорами спектакля. У неё был неплохой английский, и ей часто приходилось помогать единственному на всю труппу переводчику. Александр слушал её, потягивая красное молдавское вино и рисуя на салфетке человечков. Когда Ирина закончила рассказ о репетициях, она спросила:

— Что ты там рисуешь?

Он протянул ей салфетку. Она посмотрела и рассмеялась:

— У них уши больше, чем голова!

— Конечно. Они ведь тебя тоже слушали, — засмеялся он.

Ирина обиженно поджала губы и показала язык. Александр улыбнулся:

— Ладно, ладно, я пошутил. Мне действительно было интересно.

Когда они вышли из ресторана, уже стемнело, и казалось, что за каждым углом их может поджидать что-то неожиданное. Ирина взяла его под руку, и они, весело болтая, направились к стоянке такси. Ему было легко с ней — она ничего от него не ждала, он тоже — и их отношения носили необязательный характер.

Невысокая, порывистая брюнетка с правильными чертами лица, Ирина была непредсказуема в своих бесконечных оригинальных проектах, и ему с ней было интересно. Они вышли на Калининский проспект и остановили такси. До её дома было около десяти минут езды.

У подъезда было темно, двор пуст. Александру показалось, что возле детской песочницы шевельнулась чья-то тень. Они вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Ирина открыла дверь, и они вошли в квартиру. Он помог ей снять плащ и прошёл в зал. Ирина сходила на кухню и вернулась с подносом, на котором стояли два фужера, бутылка сухого белого вина и коробка зефира в шоколаде. Она поставила всё на низкий столик у дивана.

Александр стоял у книжного шкафа и рассматривал книги: Булгаков, Пастернак, Вампилов... На верхней полке — зарубежные авторы: Хемингуэй, Маркс, Воннегут...

Он задержал взгляд на фотографии в простой рамке: совсем ещё маленькие Ирина и Алина сидели по обе стороны от матери — строго одетой женщины, словно пришедшей из другой эпохи. Отец на снимке отсутствовал. Его вообще не было ни на одной фотографии.

Александр не собирался расспрашивать Ирину об отце. Однажды, почти между делом, она нехотя обронила, что он работал начальником отдела на московском секретном заводе, где производили детали для баллистических ракет, и что однажды к ним домой пришли сотрудники КГБ с обыском. Тогда ей было лет пять, и она почти не помнила отца — лишь смутное ощущение его присутствия, как чего-то важного и навсегда утраченного.

Это случилось уже после хрущёвской оттепели — в то время, когда многим ещё казалось, что времена меняются, а люди становятся свободнее, общительнее, доверчивее. Во время одного из международных визитов, связанных с работой, её отец — тридцатилетний, подававший большие надежды инженер — провёл вечер в компании, где были англичане и один американец. Он говорил по-английски, его угощали пивом, он рассказывал анекдоты и, вероятно, впервые за долгое время чувствовал себя живым человеком, а не частью большого механизма.

Когда его арестовали, мать сказала девочкам, что он уехал в длительную командировку. С тех пор Ирина больше никогда его не видела. Мать тогда много плакала, прячась в спальне, и дети рано научились не задавать лишних вопросов.

Сам Александр был из Сибири. Новосибирск — город военных заводов и закрытых производств — был ему хорошо знаком. Его родители тоже работали на предприятии, выпускавшем детали для военных самолётов. О работе дома говорить было не принято, и к этому молчанию он привык с детства, как к обычному порядку вещей.

Они жили втроём в двухкомнатной квартире в пятиэтажке на Красном проспекте. Когда Александр пошёл в первый

класс, отец сказал, что неплохо бы ему заняться спортом. После нескольких месяцев в секции вольной борьбы он случайно оказался на тренировке фехтовальщиков — пришёл посмотреть на друга Вовку. Его сразу поразили экипировка, маски, блеск шпаги и рапир, сама эстетика этого странного, почти театрального вида спорта.

Дома он сказал отцу, что со следующего года хочет заниматься фехтованием. Этот выбор оказался точным. Александр был резким, лёгким в передвижениях, обладал хорошей реакцией и редким чутьём на контратаку. Он быстро пошёл в гору. В шестнадцать лет выполнил норматив мастера спорта СССР, в восемнадцать вошёл в сборную и вскоре стал мастером спорта международного класса.

Начались международные соревнования, поездки за границу, сборы. Его жизнь постепенно вошла в ритм спортивной карьеры. Как и многие спортсмены его уровня, он параллельно учился на спортивном факультете педагогического института — на свободном графике.

После окончания института он отслужил два года в армии, в спортроте, где появлялся эпизодически — между сборами и соревнованиями, выступая за команду Вооружённых сил. За это время он успел научиться неплохо стрелять, бросать гранаты и даже правильно наматывать портянки — навыки,

которые, впрочем, казались ему почти декоративными и не имели отношения к его настоящей жизни.

Отец ещё в детстве привил Александру любовь к чтению. Он подсовывал Саше разные книги, и тот читал всё подряд — ему было интересно всё. Дед, приехавший помогать строить избушку на даче, научил его играть в шашки, а позже отец — в шахматы. Отец играл с ним, убирая с доски своего ферзя, и иногда нарочно поддавался. Саша проигрывал, но это не убавляло его желания выиграть.

Со временем отец разрешил ему пользоваться своими шахматными книгами и подарил книгу о Хосе Рауле Капабланке — кубинском чемпионе мира по шахматам. Постепенно они стали играть на равных, и повзрослевшему Александру всё чаще удавалось переигрывать отца — особенно в его любимом гамбите Блэкмора—Диммера.

Александр рос в мире, который постепенно складывался вокруг него: романы о благородных пиратах, книги о советских разведчиках, фантастика о покорителях других планет. Ему было непонятно, как его друзья могли не знать «Приключений Тома Сойера» Марка Твена, повести «Белый клык» Джека Лондона или романа «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова — для него эти книги были такой же частью жизни, как двор, школа или дорога домой.

Постепенно он стал писать стихи и интересоваться поэзией, всё больше склоняясь к размышлениям о вещах более устойчивых, чем настроение или случайная эмоция: о времени, выборе, памяти, ответственности. Ему хотелось найти собственный язык.

Стихи поначалу писались как будто сами собой, без особого напряжения, легко и почти без усилий. Но стоило ему перечитать написанное спустя какое-то время, как они начинали казаться ему наивными, даже немного глуповатыми. Друзья, не желая обидеть, называли их «пионерскими», и в этом слове было больше правды, чем ему хотелось бы.

Он стал читать больше — известных, признанных авторов, вслушиваться в интонации, разбирать строки, ловить приёмы. Но новые стихи выходили подражательными, словно он примерял на себя чужие голоса, так и не находя собственного.

Стиль давался трудно, и это казалось почти неизбежным: всё важное, всё главное, как ему временами представлялось, уже было написано до него.

И всё же писать хотелось. Ему нравилось вдумываться в слова, прислушиваться к их звучанию, находить неожиданные рифмы, соединять их иногда не по смыслу, а по слуху — так, как они откликались друг другу. Сам процесс приносил

удовольствие, даже тогда, когда результат не устраивал.

Выслушав несколько мнений о своих стихах, подчас резко противоположных, он в конце концов решил писать так, чтобы это прежде всего нравилось ему самому. Без оглядки, без расчёта на одобрение или успех. С этого решения и началось для него настоящее, пусть и медленное, движение вперёд.

Спорт, школа и книги не помешали ему научиться играть на гитаре. Учился он сначала, как и все мальчишки, с дворовых песен. Кто-то показал ему простой двухдольный бой, всего четыре аккорда, меняющиеся по кругу, — и вдруг из-под его рук появилось нечто, отдалённо похожее на музыку. Этого оказалось достаточно, чтобы захотелось продолжать.

Потом были переборы, первые попытки сольных вставок, неловкие движения пальцев. Он подолгу сидел, вслушиваясь в звук, останавливался, начинал заново. Кожа на кончиках пальцев постепенно задубела, и струны уже не причиняли той боли, что в начале. Вместе с этим пришло ощущение уверенности — будто инструмент перестал сопротивляться и стал отвечать.

Гитара не делала его музыкантом, но давала чувство ритма и времени, учила терпению и вниманию. Это было занятие без определённой цели и результата, но именно в этом

он находил особое удовольствие.

В какой-то момент ему захотелось написать свою песню. Для этого нужно было сначала найти слова. Они пришли неожиданно легко, будто давно копились и просто ждали выхода. Музыка возникла сразу вслед за ними — в словах уже был заложен ритм, и оставалось лишь следовать ему. Песня получилась простой, даже немного наивной, но именно такие вещи особенно нравились новоиспечённым музыкантам: её переписывали, запоминали и пели во дворе. Это неожиданно придало ему уверенности, и он всё чаще возвращался к гитаре со своими стихами.

Как и у всех, у него были первая любовь, первые поцелуи, первые разочарования. Но ему никогда не удавалось быть с кем-то долгое время. Постоянные разъезды, новые встречи, новые люди и новые перспективы не оставляли места для устойчивых отношений. Он постепенно привык к этой смене людей и обстоятельств.

Он писал постоянно: что-то записывал и хранил, что-то выбрасывал и забывал. Он писал обо всём — о любви, о дружбе, о жизни.

Рядом с Ириной всё складывалось необычно. Она ничего от него не требовала, не искала встреч, не настаивала на

близости — и именно поэтому он сам всё чаще ловил себя на желании увидеть её. Рядом с ней он чувствовал себя по-другому: словно снял неудобную обувь и опустился в мягкое кресло.

Он не мог точно определить, что именно чувствует. Была ли это любовь? Возможно. Во всяком случае, ему хотелось быть рядом, слышать её голос, видеть её одухотворённое лицо, мягкие черты и гибкие движения. Ему нравились в ней непредсказуемость и этот лёгкий смех, возникавший всегда внезапно. Она умела рассказывать с той редкой ясностью, когда всё понятно и ничего не нужно добавлять.

Ирина подошла сзади, обняла его и поцеловала в шею. Он повернулся, положил руки на её талию и посмотрел в её тёмно-карие глаза. Она улыбнулась, наклонив голову набок:

— Предлагаю поискать истину.

Александр засмеялся:

— А истина — в вине? Оригинальная у тебя манера предлагать выпить. Интересно, а Александр Блок, написавший эти строки, какое вино предпочитал?

Они сели на диван. Он взял бутылку. На этикетке было

написано: «Старый замок». Он разлил вино, и они выпили. Поставив бокал на стол, он вдруг подумал: а разве замок может быть новым?

В этот момент раздался звонок в дверь. Ирина вздрогнула. Александр удивлённо посмотрел на неё:

— Кто это к тебе в полночь?

Ирина испуганно прошептала:

— Я не открою. Меня нет дома.

— А если это срочно? — нахмурился он.

— Нет, не беспокойся. Это Сергей. Он позвонит и уйдёт.

Сергей был её другом детства. Когда-то у них был краткий, неловкий роман. Она рассказывала о нём и показывала фотографию: невысокий, худощавый парень с бесцветными, слегка навывкате, глазами. Он был учителем истории в одной из московских школ. Когда она сказала, что не любит его, он не мог смириться. Он часто звонил, поджидал у подъезда, выдумывая новые причины для встреч.

В дверь продолжали звонить — настойчиво, с каким-то

остервенением. Александр не выдержал:

— Я пойду открою. Если это он, спущу по лестнице!

Ирина схватила его за руку:

— Саша, не надо! Пожалуйста! Он уйдёт. Я тебе не всё сказала — он может быть вооружён. Он показывал мне пистолет.

Александр усмехнулся:

— Он что, в меня стрелять будет? Не сумасшедший же.

Он поднялся, но Ирина повисла на нём, обняв за шею. В её глазах были слёзы:

— Пожалуйста... Ну, пожалуйста...

Звонок продолжался.

— Хорошо, не бойся. Я просто отключу звонок. Не будет же он ломиться в дверь. У тебя есть отвёртка?

Она обрадованно кивнула. Через минуту он отсоединил провод от дверного звонка.

Они вернулись в гостиную, сели на диван и молча ждали минут десять. Было тихо. Александр посмотрел на задумчивое лицо Ирины и спросил:

— Он... больной? У него с головой всё в порядке?

Она не ответила. Потом взяла бокал, отпила и, глядя сквозь вино на свет, задумчиво прошептала:

— *Лихие тайны мне поручены,*

Мне чьё-то солнце вручено,

И все души моей излучины

Пронзило терпкое вино...

Потом немного помолчала и добавила ровно, почти без интонации:

— Когда я сказала, что не люблю его, он пообещал меня убить. А потом — застрелиться.

Александр покачал головой:

— Конечно. Шизофрения лечится только смертью.

Глава 3

На следующее утро, когда он проснулся, Ирины рядом уже не было. Он прислушался. Из кухни доносилось позвякивание посуды.

— Доброе утро, — сказал Александр, входя в кухню. Она улыбнулась:

— Доброе утро. Ты спишь, как сурок. Кофе с молоком?

— С коньяком, — пошутил он.

Она посмотрела виновато и сказала:

— Только с водкой, если хочешь. Коньяка нет.

Он улыбнулся:

— Шучу. С молоком, пожалуйста, как обычно. А как спит сурок? — спросил он, притягивая её к себе.

Ирина прижалась к нему и сказала:

— Он спит, как ты. Давай, завтракай. Сегодня едем в Загорск. Я тебе покажу Троице-Сергиеву лавру.

Александр не удивился этому внезапному сообщению. Он уже привык к неожиданным поворотам в её настроении во время их встреч и только спросил, пододвигая чашку кофе:

— Почему именно туда?

Она взглянула на него, как бы раздумывая, и сказала:

— Потому что я так чувствую сегодня.

Он пожал плечами:

— Ну что ж. Я там ещё ни разу не был.

Через полчаса её «Жигули» мчались по Ярославскому шоссе. Ирина вела машину и рассказывала историю Троицкого монастыря. Он слушал и смотрел на проплывающие мимо деревни.

В какой-то момент они выехали на прямой участок, и перед ними открылась долина. Прямо по курсу небо было свинцового цвета, но сбоку, из-за туч, пробивались солнечные лучи и освещали город. Александр залюбовался этим необыкновенным пейзажем.

Ирина, словно почувствовав его настроение, замолчала. Так они ехали некоторое время. Первым заговорил он:

— Твоя сестра приглашает нас на конкурс актёрской песни имени Андрея Миронова в театре Ленинского комсомола.

Она, не поворачивая головы, сказала:

— Я знаю, — сделала паузу, раздумывая, и продолжила: — У Алины талант, но в театре таких — вагон и маленькая тележка. Все поют, играют на разных музыкальных инструментах, и к тому же у многих родители не из последних. Этот конкурс проводит мама Андрея, так там столько молодых актрис-«чаек» крутится вокруг неё.

Он усмехнулся:

— Ну а буфет-то, наверное, хороший? Буженина, икра и прочие невкусные вещи?

— Этого добра хватает.

Они долго бродили по территории лавры между церквями

и соборами. Ирина рассказывала про Сергия Радонежского, про визит сына президента США Франклина Рузвельта и про не совсем удачную послевоенную реставрацию, а он смотрел на неё и любовался её воодушевлённым лицом.

Через несколько дней Алина познакомила Александра со своим мужем Андреем. Они приехали в его мастерскую, недалеко от Измайловского рынка. Мастерская располагалась на первом этаже и была заполнена картинами и различными сувенирами, которые Андрей изготавливал сам для продажи на рынке. На полках стояли матрёшки с изображением политических деятелей, лежали шапки-ушанки с кокардами, репродукции известных русских художников и множество разных сувениров.

Андрей ему понравился. В нём не было ничего искусственного, и Александр сразу поверил в его искреннее расположение. Андрей поздоровался, крепко пожал руку и сказал:

— Вот, Александр, — это моя кухня. Добро пожаловать. Алина мне много про тебя рассказывала. Ты ведь сибиряк и, как я слышал, не куришь — так что даже не предлагаю. Садись, я сейчас приготовлю чай.

Ирина посмотрела на сестру и засмеялась:

— Ишь ты! Какой у нас сегодня Андрей предупредительный.

Алина улыбнулась, села на обшарпанный кожаный диван и закурила. Александр сказал, обращаясь к ней:

— Надеюсь, ты рассказывала про меня только хорошее?

— Конечно. А ты сомневаешься?

— От тебя можно всякого ожидать, — ответил он и подмигнул Ирине.

Она улыбнулась и сказала:

— Мы придём завтра на конкурс.

Алина посмотрела на сестру и призналась:

— Ирина, я боюсь. Честно. Мне будет очень нужна ваша поддержка, — потом посмотрела на Александра и неожиданно добавила: — Я рассказала Андрею, что ты пишешь стихи.

Вошёл Андрей. Услышав последнюю фразу, он поставил поднос с четырьмя стаканами чая на стол, затем вопросительно посмотрел на Алину и перевёл взгляд на Александра:

— Алине понравились твои стихи. Ты не мог бы прочесть что-нибудь? Только не о любви.

Александр засмеялся:

— О ненависти, что ли?

— О чём хочешь. На твой выбор.

— Хорошо. Тогда последнее, если не возражаешь. Я его написал для Алины.

Андрей с удивлением взглянул на него, потом на Ирину и кивнул.

Александр начал с расстановкой читать:

Московское небо обуглилось в тучи,

*И воздух закручен
ветрами в спираль.*

Сегодня весь день ожиданием измучен

*В предчувствии жертв —
театральный алтарь.*

Грех на душу взят,

Но в объятьях богемных

Любая попытка спастись не чиста,

Когда чья-то мысль

За кулисами темы

Довлеет над истиной,

Снятой с креста.

Когда он закончил, Андрей задумчиво смотрел на него и молчал. Алина бросила на него быстрый взгляд, хотела

что-то сказать, потом встала, прошла и, не глядя на Александра, бросила:

— Спасибо, Саша. Ты можешь мне их записать, пожалуйста?

Ирина улыбнулась, придвинулась к столу и сказала:

— Давайте пить чай.

Глава 4

Конкурс актёрской песни имени Андрея Миронова на малой сцене театра начался с опозданием: ждали Марию Владимировну Миронову. Александр с Ириной, затаив дыхание, наблюдали с интересом за столичной тусовкой театральной богемы. Им было приятно осознавать некую причастность к этому загадочному актёрскому миру.

Наконец, Мария Владимировна появилась, и конкурс сразу же начался.

Когда подошла очередь Алины, Ирина затаила дыхание и машинально взяла Александра за руку. Андрей был спокоен, он взглянул на них и улыбнулся. Алина села за рояль, положила пальцы на клавиши и посмотрела в зал. Её голос зазвучал неожиданно трогательно и проникновенно.

Не завершив свой натюрморт,

Художник, утомлённый цветом,

Заставил жизни эпизод

Застыть графическим фрагментом.
В потёмках недоступных схем

О смысле в нём нет ни намёка.

Рисунок вроде ясен всем,

Но непонятна подоплёка...
В нём штрих главенствующий стёрт,

И красок нет — есть только тени.

В нём прост тональностей аккорд,

Конкретна суть, изящен гений.

После короткой паузы и аплодисментов Алина встала, поклонилась и исчезла за кулисами. Музыка и её голос ещё несколько мгновений звучали внутри Александра, и в этот момент он вынужден был признать: среди множества талантливых выступлений именно её пение показалось ему особенным. В нём было что-то неподдельно искреннее, не испорченное уроками постановки голоса.

Через несколько минут они с Андреем уже были у стойки театрального буфета. Стоящий перед ними молодой длинно-

волосый мужчина рассказывал кому-то:

— После репетиции один артист говорит другому: «А теперь, Коля, пошли на грамзапись». Пришли в театральный буфет. Он буфетчице: «Налейте нам по сто грамм и запишите на меня».

Его собеседник хмыкнул.

Когда длинноволосый стал заказывать, Александр с удивлением узнал Абдулова. Он был не очень похож на того, которого он знал по фильмам, но это был он.

Они купили бутерброды с икрой, балык, коньяк и стали ждать Ирину, которая пошла искать за кулисами сестру.

Когда сёстры появились, Абдулов с приятелем обернулись, кивнули им и продолжили разговор. Александр шагнул им навстречу, протягивая цветы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.